

СОВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ХАОСА

Аннотация. Данная статья посвящена концепции хаоса в контексте кризиса современной цивилизации. Подчеркивается, что хаос является неотъемлемым условием человеческого существования. Автором рассматривается взаимосвязь всеобщего кризиса современности с дискурсом постмодернизма и теорией хаоса.

Ключевые слова: хаос, кризис, постмодернизм, теория хаоса, виртуальность, хаосмос.

Abstract. The article investigates the conception of chaos in the context of the nowadays crisis of civilization. The author's thesis is that the chaos is an imprescriptible condition of human existence. The researcher considers an interrelation between the total crisis of contemporary civilization and postmodernist discourse and chaos theory.

Key words: chaos, crisis, postmodernism, chaos theory, virtual, chaosmos.

Концепт хаоса, являясь одним из важнейших и древнейших смыслообразов духовной организации человечества, принадлежит к широкому горизонту социокультурной проблематики – от философско-мифологической, где он зародился, до научной, где начиная с 60-х гг. прошлого столетия приобрел «второе дыхание». При этом важно отметить, что дискурс о хаосе не всегда присутствовал в поле культурной рефлексии человечества; он является, как отмечает В. Н. Топоров в статье, посвященной мифологическим представлениям о первобытном хаосе, «порождением относительно поздней эпохи, предполагающей уже определенный уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего» [1, с. 581]. Это происходит тогда, когда человечество начинает осмысливать и активно выверять детерминанты своего бытия, приступая к созданию целостной и упорядоченной картины мира. Так, например, аборигены Австралии практически не знают понятия «хаос», тогда как древнегреческая традиция дает нам наиболее широкое и разработанное представление об этой идее, созданное на стыке мифологического и философского мировоззрения. Именно в Античности мелос хаоса обретает всю полноту своего звучания – от героического пафоса сопротивления ему разумом в Древней Элладке до пессимистических обертонов эллинистической и римской эпохи, улавливающих в нем звучание «нерасчлененной грубой глыбы» (*rudis indigestaque moles*), готовой рухнуть и уничтожить цивилизацию, родившуюся из расчленения первоначальной слитной гомогенности.

Концепт хаоса, таким образом, присутствует в культуре на положении некоего фронта, маркирующего переход от одного типа мировоззрения к другому (от мифологического к философско-научному) и зарождению цивилизации, не боящейся онтологического вопрошания о своих истоках, основных движущих силах своего существования и возможности собственного уничтожения и исчезновения.

Современная актуализация концептуальных построений вокруг хаоса эксплицируется в контексте идеи кризиса, этого подлинного *Zeitgeist* современности, диагностируемого практически во всех сферах человеческого бытования. Парадоксальность ситуации заключается в том, что момент кризиса

все более и более перестает переживаться нами как перверсивное событие, которое в перспективе требует как можно скорейшего преодоления и разрешения, а затем возвращения к относительно нормальному порядку вещей. Есть множество факторов, свидетельствующих о приближении финальной катастрофы (экономический, финансово-экономический, политический и даже социальный кризис, связанный с инфляцией прежних ценностей, на которых базировались прежние общности), но по-настоящему мы до конца не верим в то, что она действительно произойдет. Однако жизнь в ожидании катастрофы уже есть не что иное, как катастрофа в ее реальном измерении. Возможно, в этом и заложен некий иррациональный смысл ожидания действительно тотального коллапса, порождающий собой экстатическое наслаждение апокалиптической фатальностью, единственной способной остановить флуктуирующую случайность постоянной кризисности существования. Подобную аналогию фатальности и случайности проводит Ж. Бодрийяр в своей часто цитируемой «Прозрачности зла»: «Например, когда вирусы атакуют компьютеры, что-то в нас содрогается от ликования перед событиями такого рода, но не из-за извращенного пристрастия к катастрофам подобного рода и не от влечения к худшему, а потому, что здесь обнажается нечто фатальное, чье появление всегда вызывает у человека прилив экзальтации. <...> Фатальность – противоположность случайности. Случайность пребывает на периферии системы, фатальность – в самой ее сердцевине (но фатальное не всегда является бедственным, и непредвиденное может таить в себе очарование)» [2, с. 60–61].

Состояние кризиса находит свое отражение в проекте построения так называемой науки постмодерна, провозглашенной еще Ж.-Ф. Лиотаром в его ныне считающейся классической работе «Условие постмодерна», который презумпирован онтологизацией хаоса и «поиском нестабильностей». В своем поиске наука постмодерна обращается к дисциплинарной матрице математического моделирования нелинейных динамических процессов, включающих в себя вопросы, связанные с пределами допустимости, теорией хаоса, конфликтами неполноты, геометрией фракталов, теорией катастроф, парадоксами прагматики и т.д., конституируя особый вид дискурсивной практики, основанной на разрывной, недетерминистической, парадоксальной и дискретной эволюции. Статус научного знания легитимизируется по линии «различия, понятого как паралогия» (Ж.-Ф. Лиотар), а поощрение «инакомыслия» и «безумных идей» (Н. Бор) в научной среде считается необходимым условием недеформированного динамичного развития любой науки. Иными словами, стратегия науки постмодерна направлена на увеличение разнообразия новых идей и концепций, на гетерогенность научного знания. Присутствие хаотического элемента в научном познании считается необходимым и всячески поощряется: «Без «хаоса» нет познания» (П. Фейерабенд). Этой позиции соответствует выражение Поля Валери: «Мозг – это сама нестабильность». Во многом это доходит до апологетики хаоса, его потенциальной космизации, скорее напоминающей придание положительного статуса отрицательному члену бинарной оппозиции «хаос – порядок», а не преодоление ее как таковой. Но насколько может считаться правомерной сама постановка вопроса о этом бинаризме, нахождении пути по ту сторону «увлечения» хаосом?

Первое, на чем необходимо остановиться, решая эту задачу, является то, что интенция теории хаоса, на которую в основном и опирается этот проект, заключается не в отрицании существования порядка, а, скорее, в том,

чтобы найти скрытый порядок в кажущихся случайными данных. Наука хаоса не только изучает непредсказуемость, сколько предсказуемость в наиболее нестабильных системах. Графики странных аттракторов и фракталы представляют собой способы выражения поведения непредсказуемых систем, верных не в точных равенствах, а в представлениях поведения системы. Теория хаоса позволяет нам видеть саму форму хаоса, структурируя и оформляя то, что раньше казалось некой бесформенной массой. Хаотический порядок представляет нам более сложные оси, по которым происходит выстраивание системы, или в крайнем случае хотя бы очерчивание ее абриса.

В этой связи стоит привести такой пример. В апреле 2011 г. сотрудник Института ядерных исследований РАН Вячеслав Докучаев предположил в своем исследовании черных дыр, помимо горизонта событий обладающих скрытым под ним горизонтом Коши (черные дыры Керра и Райсснера – Нордстрема), что внутри них для массивных тел существуют стабильные замкнутые орбиты. Иными словами, внутренность горизонта событий не заполнена хаотически мечущимися вокруг сингулярности частицами, а существует некое подобие порядка. Тело, попав на такую стабильную орбиту, будет двигаться вокруг центральной сингулярности, напоминая в некотором смысле вращение планеты вокруг Солнца. Однако движение это будет происходить не по привычным «нормальным» эллиптическим траекториям, а по достаточно изощренным спиральям. Подобным же образом означенное «хаос» коннотировано не отсутствием порядка как такового, а возможностью иного, недетерминированного и нелинейного порядка.

Другой вывод, который можно сделать из теории хаоса, – это предположение, опровергающее эссенциалистский экологизм и связанные с ним традиционные представления о природе как естественно-гармонической среде, противостоящей человеку как «ране природы» – существу негармоническому, привносящему в универсум дисбаланс и какофоничность. Наиболее ярко это представление выражено Альбером Камю: «Будь я деревом среди деревьев, кошкой среди животных, эта жизнь имела бы смысл, или, точнее, сама эта проблема не имела бы смысла, ведь я составлял бы частицу мира. Я был бы этим миром, которому я сейчас противостояю всем моим сознанием и всей моей потребностью сблизиться с сущим. Как бы смехотворно мал ни был мой разум, именно он противопоставляет меня вселенной. Я не могу ее отменить одним росчерком пера» [3, с. 47].

Этой доксе теория хаоса противопоставляет тезис о природе как об изначально катастрофической и сложной системе, чувствительной к начальным предпосылкам начальных изменений, в которой незначительное колебание может привести к непредвиденным результатам. Обнаруживая своеобразный параллелизм, катастрофичность природы совпадает с катастрофичностью человеческого существования и одновременно лишает надежды попытки возвращения в природу как реализации практики освобождения от тягот человеческого бытия. Б. Л. Пастернак в следующем отрывке прекрасно выражал эту диалектическую «суть» природы:

Природа ж – ненадежный элемент.
Ее вовек оседло не поселишь.
Она всем телом алчет перемен
И вся цветет из дружной жажды зрелищ.

Но при этом стоит отметить, что сложные недетерминированные системы, в том числе такие, как социум и природа, чрезвычайно чувствительны к управлению. Не в этом ли заключается смысл известного выражения Бэкона: «Природой можно руководить, лишь подчиняясь ей»?

Другой важный вопрос: возможно ли провести грань, отделяющую состояние хаоса от относительного порядка, и как она может быть в этом случае представлена? Можно было бы здесь предположить, что хаос локализован под нормальной повседневной реальностью и готов прорваться в любой момент, как только мы перестанем его сдерживать. Мистериальный характер греческой культуры был направлен на внесение хаотического начала в ткань социального измерения в целях защиты от предвечного хаоса, элиминированного за границы космического порядка, но не уничтоженного полностью. Этот образ хаоса, подобный алкагесту, *menstruum universale* алхимиков, способного растворить все тела и формы, аннигилировать любые идентичности, смешать все воедино, хорошо знаком нам по литературе. Здесь можно упомянуть, например, лотреамоновского Мальдорора, видевшего в древнем Океане «обитель Князя Тьмы» и воспевающего разрушительные силы морской пучины, или предсмертный ужас Куртца перед непроницаемым мраком в конце «Сердца тьмы» Джозефа Конрада, или же «Моби Дика» Германа Мелвилла.

Хаос, скорее, не та бездна, простирающаяся под тонким слоем цивилизации, метастаз разрушений, о котором говорилось выше; он перманентно культивируется в ткани социальной реальности и характеризует человеческое бытие *par excellence*. Человеческая культура является следствием разрывности и антагонизма между природным гомеостазом, биологической потребностью и задержкой ее непосредственного удовлетворения, регулируемого социокультурными нормами. Трактовка хаоса здесь во многом совпадает с лакановским концептом *Pas-Tout* не тем, что противится символизации, но что постоянно ее искривляет и не дает правильного ее рассмотрения. Хаос всегда возвращается на свое место, искривляя невозможную реальную целостность, не давая ей полностью замкнуться, только лишь в форме *short circuit*, приобретающей порой весьма причудливые очертания, подобные лотреамоновскому описанию случайной встречи зонтика и швейной машинки на операционном столе. Статическое равновесие является лишь неким воображаемым моментом обретения порядка, тогда как дискретность никуда не исчезает. Но именно эта антагонистическая разорванность сублимирует нашу активность, представляя вектор наших потенциальных возможностей. Организация мышления и творчества на принципах хаоса (три дочери хаоса – хаиды: искусство, наука и философия), как отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари, в философии репрезентируется в продуцировании концептов: «Концепт – это множество неразделимых вариаций, которое создается или конструируется в плане имманенции, поскольку тот пересекает переменность хаоса и сообщает ему консистенцию (реальность). Таким образом, концепт – это хаотическое состояние по преимуществу; он связан с хаосом, который сделан консистентным, стал Мыслью, ментальным хаосмосом» [4, с. 266].

Поэтическое мышление представляет нам неоднократные примеры реализации этой возможности. Например, у А. С. Пушкина в «Пире во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,

И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Сэмюэл Кольридж, отягощенный уже к тридцатилетию бременем несбывшихся надежд и невыполненных налагавшихся на него ожиданий, взывает в своей оде «Уныние» к хаосу как источнику творческого вдохновения:

Скорей бы стала ночь грозой полна,
Скорей бы шумный ливень захлестал!
Тот грохот, что в былом меня страшил,
Но дух мой возносил,
Как встарь, меня, быть может, посетит...

Особое значение для понимания теории хаоса дает нам «мессианский марксизм» В. Беньямина. Дисконтинуальность исторического времени в концепции В. Беньямина заключается в идее, что в «актуальном настоящем» (Jetztzeit) может быть реализована та или иная альтернатива прошлого, существовавшая лишь в пространстве виртуальности. Современность связана с прошлым, таким образом, не казуально, а ретроактивно: прошлое открыто для переживания в настоящем и реализации в моменты некоего мессианского «события», представляющего сингулярное сжатие и уплотнение времени. Каждый момент времени несет потенциальную возможность стать событием, которое способно трансформировать конфигурацию человеческой реальности, нужно лишь ее правильно понять. Об этом говорит В. Беньямин в 18-м тезисе своей работы «О понятии истории»: «В действительности же нет ни одного мгновения, которое не обладало бы своим революционным шансом, надо только понять его как специфический, как шанс совершенно нового решения, предписанного совершенно новым заданием» [5, с. 89].

Именно дискретность, вносимая хаосом, и представляет Jetztzeit, в котором возможно раскрытие прошлых возможностей и несбывшихся надежд. Хаос таким образом стимулирует человеческую активность, представляя собой виртуальность, содержащую вектор потенциальных возможностей. Подобно «чрезвычайному положению» в концепции В. Беньямина, хаос «не исключение, а правило» [5, с. 83], он постоянно присутствует в социальной реальности, находясь в диалектической взаимосвязанности с порядком. Здесь присутствует топография, скорее напоминающая об известной ленте Мебиуса. Хаос призывает человечество к ответственности за свои поступки в хрупком мире. Это возможно лишь благодаря коллективному действию, обретению и формированию нового вида идентичности (общности), или, если возможно, приданию смысла старому, балансирующему между индивидуализмом и коллективизмом, а не в выстраивании частичного партикулярного *modus vivendi* в мире в духе эстетики существования позднего М. Фуко.

В заключение стоит отметить, что хаос является одним из ключевых и смыслообразующих понятий, характеризующих современное состояние цивилизации. Современное хаотическое бытие, хаосмос, не стал отрицанием возможности упорядочивания изначально данного хаоса, а парадоксальным образом внес новый порядок, отличающийся большей устойчивостью. Наука, потеряв свой центрирующий статус, осталась, наряду с другими формами упорядочивания хаоса, одним из основных определяющих моментов в беспорядочном порядке хаосмоса современной цивилизации.

Список литературы

1. **Топоров, В. Н.** Хаос первобытный / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С. 581–582.
2. **Бодрийяр, Ж.** Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
3. **Камю, А.** Миф о Сизифе / А. Камю // Сочинения : в 5 т. – Харьков : Фолио, 1997. – Т. 2. – 527 с.
4. **Гваттари, Ф.** Что такое философия? / Ф. Гваттари, Ж. Делез – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 286 с.
5. **Беньямин, В.** О понятии истории / В. Беньямин // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 81–90.

Ноздряков Данила Сергеевич

аспирант, Ульяновский государственный
технический университет

E-mail: chester_stern@inbox.ru

Nozdryakov Danila Sergeevich

Postgraduate student,
Ulyanovsk State Technical University

УДК 101.8+124.1

Ноздряков, Д. С.

Современная актуализация концепции хаоса / Д. С. Ноздряков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 54–59.